
Париж и диалог Россия-ЕС, новый импульс с приходом Николя Саркози?

Тома Гомар

Октябрь 2007

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. Eur-Ifri является мозговым центром (*think tank*), в задачи которого входит обогащение европейских дебатов междисциплинарным подходом, способствование развитию новых идей и содействие принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на ее автора.

Центр Россия/ННГ

© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2007

IFRI

27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

EUR-IFRI

22-28, AVENUE D'AUDERGHEM
B – 1040 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

САЙТ ИНТЕРНЕТ : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённая России и новым независимым государствам (Беларусь, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Эта коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках коллекции по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски:

– Луи-Мари Клуэ, «Рособоронэкспорт, российский оружейный барон», *Russie.Nei.Visions*, №22, сентябрь 2007;

– Оксана Антоненко, «Независимость Косово. Почему Россия против?», *Russie.Nei.Visions*, №21, июль 2007;

- Надежда Арбатова, «Россия-ЕС после 2007 года: российские внутриполитические дебаты», *Russie.Nei.Visions*, №20, июнь 2007.

Об авторе

Тома Гомар руководит центром Russie/NEI Французского института международных отношений (ИФРИ) и электронной коллекцией *Russie.Nei.Visions* (доступна на трёх языках на сайте <www.ifri.org>), а также преподаёт в Высшей военной школе Сэн-Сир. Среди его последних публикаций: Thomas Gomart et Tatiana Kastouéva-Jean (ред.), *Russie.Nei.Visions 2007*, Paris, Ifri, 2007 (на английском); *Politique étrangère*, внесерийный выпуск « Russie. Les enjeux internationaux et intérieurs » [Россия. Международное и внутреннее положение], сентябрь 2007 (на французском).

Оглавление

АВТОР	2
ОГЛАВЛЕНИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
СЕГОДНЯШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ДИАЛОГА РОССИЯ-ЕС	9
К НОВОМУ СПС?.....	9
ЭНЕРГЕТИКА: ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГИ?	11
КОФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И ЦЕННОСТЕЙ	12
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЗИЦИИ ЕС	15
ВЕС БИЛАТЕРАЛИЗМА.....	15
«НОВАЯ ЕВРОПА» И «СТАРАЯ ЕВРОПА»	17
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ФОН	18
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЗИЦИЙ РОССИИ	21
НЕДОСТАТОЧНАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ	21
НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ СИТУАЦИИ	22
ДОМИНИРОВАНИЕ ТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ	23
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	25

Краткое содержание статьи

Визит президента Франции Николя Саркози в Россию (9-10 октября 2007) и приближающееся французское председательство в Европейском союзе (второй семестр 2008 года) являются поводом для осмысления франко-российских отношений и их координации с более широким форматом российско-европейских отношений. В ближайшие годы диалог Россия-ЕС станет вопросом ключевого значения. При этом двусторонние отношения неумолимо отодвигаются на задний план. Чтобы эффективно координировать обе повестки дня, эти расходящиеся тенденции диктуют французским руководителям подход, основанный на прагматизме и реализме. В статье рассматривается сегодняшнее состояние диалога Россия-ЕС, позиция ЕС по отношению к России и, наоборот, позиция России по отношению к ЕС. По каждому пункту будет отмечено, претерпевает ли позиция Франции изменения или остаётся постоянной.

Введение

Вслед за изменившимися отношениями между Европейским союзом (ЕС) и Россией, меняются и франко-российские отношения. Но если в ближайшие годы диалог Россия-ЕС станет вопросом ключевого значения, то двусторонние отношения неумолимо отходят на второй план. Это расхождение тенденций требует от французского руководства прагматичности и реализма, позволивших бы наиболее эффективно совместить двустороннюю повестку дня с евро-российской (которая нередко выходит за рамки собственно Евросоюза).

Провал саммита в Самаре (май 2007) привёл к росту недоверия в отношениях между Евросоюзом и Россией. Заявленные несколько месяцев назад переговоры по новому соглашению так и не начались, хотя срок действия Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС) истекает в ноябре 2007 г. Отношения между сторонами носят выраженный политический окрас в силу как ужесточения позиции России, так и отсутствия единого мнения среди государств-членов ЕС по вопросу о выборе типа партнёрства, которое необходимо установить с Москвой. По сути, на отношения между Евросоюзом и Россией продолжают влиять последствия двойного расширения (НАТО и ЕС) 2004 года, а также обострение напряжения между Россией и США и неопределённое будущее европейского проекта. Хотя необходимость и незаменимость отношений Россия-ЕС не подвергаются сомнению, тем не менее, они страдают от возврата риторики холодной войны. К примеру, накануне самарского саммита, Петер Мандельсон заявил, что «со времени окончания периода холодной войны» непонимание и недоверие между Евросоюзом и Россией впервые дошло до подобного уровня¹.

Ухудшение общей атмосферы проявилось в нервозности заявлений и возбужденности реакций, создающих с обеих сторон ощущение дрейфа наугад. Однако, это общее впечатление не должно заслонять факты, ведь реальные контакты между двумя сторонами не перестают расти и углубляться. Эта основная тенденция вряд ли

Эта статья является результатом проекта DGAP/IFRI: «Paris und der EU-Russland-Dialog: neue Akzente unter Nicolas Sarkozy?», DGAP Analyse Frankreich, № 3, октябрь 2007. Она развивает тему, начатую в статье «Union européenne/Russie: de la stagnation à la dépression» [Европейский союз-Россия: от застоя к депрессии], *Revue du Marché commun et de l'Union européenne*, № 510, июль-август 2007.

Переведено с французского Натальей Киселевой-Туле.

¹ Выступление Петера Мандельсона, Болонья, 20 апреля 2007.

изменится, если принять во внимание энергетические потребности Евросоюза и стремление российского общества к росту потребления и к большей открытости.

Накануне председательства Финляндии в Евросоюзе (второй семестр 2006) многие аналитики отмечали застой в отношениях Россия-ЕС². Несмотря на всю волю, проявленную Хельсинки, председательство Финляндии закончилось провалом после наложения Польшей вето на проведение Еврокомиссией переговоров по новому соглашению о партнёрстве и сотрудничестве. Эта ситуация изначально заставила заступающую на пост председателя ЕС Германию (в первом семестре 2007 г.) играть роль посредника и посвятить значительную часть своих политических ресурсов урегулированию польско-российского конфликта вместо запланированного реформирования партнёрства. И у той, и у другой стороны осталось ощущение несостоявшейся встречи: состояние отношений Россия-ЕС сегодня можно охарактеризовать уже не просто как стагнацию, а как депрессию³.

После победы Николя Саркози на президентских выборах (май 2007) франко-российские отношения претерпели множественные изменения, явившиеся следствием двусторонних инициатив, но, в особенности, первых шагов нового президента. Николя Саркози и Владимир Путин встретились в рамках «большой восьмёрки» в Хайлигендамме (июнь 2007)⁴; Тоталь и Газпром подписали амбициозное соглашение по Штокмановскому месторождению в Баренцевом море (июль 2007); Николя Саркози упомянул в выступлении на конференции перед послами (август 2007) о «некоторой брутальности» российских методов в энергетической сфере; Бернар Кушнер констатировал во время визита в Москву расхождения с Сергеем Лавровым по вопросу о статусе Косово (сентябрь 2007). Необходимо также упомянуть о четырёх других факторах, имеющих влияние во Франции в этот период: институциональный сдвиг в ЕС по заключению упрощённого договора, сближение с США, смягчение, – по сравнению с предвыборной кампанией, – позиции по вопросу отношений Турция-ЕС, а также ужесточения позиций по Ирану.

Россия не является стратегическим приоритетом для новой руководящей команды во Франции, поэтому Москва продолжает занимать выжидательную позицию. Реакции России остаются максимально сдержанными, как если бы Кремль, прежде чем

² См., например, S. Medvedev, *EU-Russian Relations. Alternative futures* [Отношения ЕС-Россия. Варианты будущего развития], Helsinki, FIIA, 2006.

³ Th. Gomar, «Union européenne/Russie: de la stagnation à la dépression» [Европейский Союз/Россия: от застоя к депрессии], *Revue du Marché commun et de l'Union européenne*, № 510, июль-август 2007.

⁴ Пресс-конференция президента Франции, в ходе которой он охарактеризовал своего российского коллегу как человека «хорошо осведомлённого, очень спокойного и очень умного», вызвала совершенно неожиданный ажиотаж в электронных средствах массовой информации.

выступать с какими бы то ни было инициативами, дожидаясь спада информационного ажиотажа, сопровождающего действия Николя Саркози, чтобы перехватить инициативу. Однако, существующая в России неопределённость относительно «наследника» Владимира Путина (март 2008), притягивает к себе основное внимание и отодвигает внешние вопросы (и уж тем более, вопросы, касающиеся Франции) на период после 2008 года, за исключением наиболее весомых стратегических досье, которые могут быть использованы в политических целях: системы противоракетной обороны и расширения НАТО. Иранская проблема не несёт для Москвы той же политической нагрузки, что для Парижа, и остаётся предметом обсуждения узкого круга специалистов.

Возможно всё же отследить некоторые реакции России на изменения в Париже⁵. Первые касаются самого Николя Саркози и подбора его команды. Возможность, – а в ещё большей степени привлекательность, – отказа от «деголлевско-миттерано-ширакского» наследия во внешней политике Франции, вызывает определённое удивление и беспокойство. Признаётся неоспоримая энергия нового президента, наличие собственного стиля, а также его эффективность в плане политического пиара. Российские наблюдатели любят сравнивать пластичность французского и российских президентов, а также шумиху в средствах массовой информации вокруг супругов президентов. По их мнению, по этим параметрам счёт между двумя президентами ведётся на равных. Кремлёвские аналитики представляют Николя Саркози новичком в международных вопросах (особенно, военных), чтобы ещё больше подчеркнуть опыт Владимира Путина. Они задаются вопросом, не является ли колебание между кандидатурами Юбера Ведрина и Бернара Кушнера на пост министра иностранных дел отражением более глубокого колебания в выборе между реалистическим и трансформационным подходами к международной системе. Они не скрывают ни скептицизма по отношению к последнему, ни удивления, вызванного назначением Эрве Морена на пост министра обороны. Личность и влияние Жана-Давида Левитта вызывают вопросы о функционировании французского дипломатического аппарата. Учитывая сделанные в ходе предвыборной кампании заявления, российские наблюдатели ожидали действий по укреплению трансатлантических связей. Однако, они с трудом понимают, почему это сближение сопровождается знаками личной поддержки Джорджу Бушу, президентский мандат которого завершается на волне практически единодушного ostrакизма, которому его подвергает общественное мнение.

Необходимо также отметить, что реакции Москвы на происходящие в Париже изменения политически менее окрашены, чем реакции на Евросоюз и НАТО. Чтобы получить целостное представление об отношениях Россия-ЕС, необходимо рассмотреть девять принципиальных пунктов, объединённых в три темы: состояние диалога Россия-ЕС, позиция ЕС по отношению к России и позиция

⁵ Серия интервью в Москве, июль и сентябрь 2007.

России по отношению к ЕС. По каждому пункту мы проследим, претерпевает ли позиция Франции изменения или нет.

Сегодняшнее состояние диалога Россия-ЕС

К новому СПС?

СПС было подписано двумя сторонами в июне 1994 года, но, по причине первой чеченской войны, вступило в силу лишь в декабре 1997. Его цель заключалась в приближении России к европейскому законодательству и стандартам в сфере торговли. Подписывающие стороны полагали, что придание России статуса наиболее привилегированной нации должно со временем привести к появлению зоны свободной торговли, с одновременным созданием условий для политического сотрудничества. Оглядываясь назад, российские власти не упускают случая напомнить, что переговоры по СПС велись с ослабленной Россией, не располагавшей достаточной технической компетентностью, чтобы постичь тонкости механизмов функционирования европейского сообщества. Помимо СПС, два других инструмента составляют базу отношений Россия-ЕС: «энергетический диалог», начатый в октябре 2000 года, и «четыре пространства», созданные в мае 2003. Направленные на достижение конкретных результатов путём следования «дорожным картам», эти пространства покрывают сферу экономики, сферу свободы, безопасности и правосудия, сферу внешней безопасности и, наконец, сферу науки, культуры и образования. Всё это вместе образует не имеющую аналогов с другими партнёрами Евросоюза структуру из многочисленных совместных органов и рабочих групп, среди которых Постоянный совет партнёрства. Несмотря на плотность контактов (в частности, саммиты на высшем уровне два раза в год) и сильную политизированность, эти связи не позволили смягчить шок от двойного расширения 2004 года (НАТО и ЕС). В первом квартале 2004 г. Евросоюз изменил свою позицию, что было вызвано требованиями со стороны России по отношению к новым членам и его собственной внутренней эволюцией. На этот раз Еврокомиссия открыто выразила озабоченность пронизывающим партнёрство напряжением между интересами и ценностями⁶.

Этот экскурс в историю позволяет заметить перемены, произошедшие со времени двойного расширения. В техническом

⁶ Сообщение Еврокомиссии Совету и Европейскому парламенту об отношениях с Россией, COM(2004), 9 февраля 2004.

плане, Москва не намерена оставаться пассивной стороной в переговорах по новому СПС, а наоборот, собирается принять участие во всех этапах его разработки, мобилизуя для защиты российских интересов своих экспертов, которые уже давно далеки от благоговейного почитания догм европейского сообщества. Различные течения экспертного сообщества сходятся на принципе необходимости защиты интересов России и способны, с некоторых пор, реально влиять на ход обсуждения⁷. В политическом плане, Владимир Путин демонстрирует самоуверенную позицию по отношению к ЕС, уже не представляющему той ключевой ценности, каковой он являлся в начале первого президентского мандата Путина, сумевшего глобализовать внешнюю политику своей страны⁸. В своих выступлениях, российский президент никогда не упускает возможности напомнить, что его страна «является неотъемлемой частью европейской цивилизации» и «полностью разделяет ценности и фундаментальные принципы, формирующие мировоззрение большинства европейцев». Он сделал своей формулу Романо Проди: «всё, за исключением институтов»⁹.

Еврокомиссия пыталась начать переговоры до саммита в Самаре и стремилась включить в новое соглашение «четыре пространства», а также обширную энергетическую часть. Эта цель не была достигнута по нескольким причинам. Прежде всего, вето Варшавы, (которое объясняется эмбарго, наложенным Москвой на польское мясо), свидетельствует о глубокой деградации российско-польских отношений. С декабря 2006 года, все попытки посредничества потерпели неудачу. Во-вторых, события в Эстонии продемонстрировали высокую степень враждебности, преобладающую в отношениях между Москвой и прибалтийскими государствами над стремлением к европейской солидарности. В-третьих, царящий с обеих сторон климат неуверенности: смена власти Владимира Путина и институциональное будущее Евросоюза. К этим трём препятствиям добавляется недостаток доверия и, возможно, желания. Слишком – или недостаточно хорошо – зная друг друга, каждая из сторон утратила многое из своей привлекательности для партнёра.

В этом контексте стоит отметить стремление России «не драматизировать сверх меры» отсутствие нового соглашения¹⁰. Отношения могут продолжать развиваться и без него, поскольку нынешнее СПС будет продлено автоматически. Одновременно с этим, как со стороны Москвы, так и со стороны европейских столиц, сильные ожидания связываются с французским председательством в Евросоюзе (второй семестр 2008). Оно начнётся после вступления в должность нового российского президента и поэтому сможет

⁷ Н. Арбатова, «Россия – ЕС после 2007 года: российские внутривнутриполитические дебаты», *Russie.Nei.Visions*, № 20, июнь 2007.

⁸ Th. Gomart, «Politique étrangère russe: l'étrange inconstance» [Внешняя политика России: странное непостоянство], *Politique étrangère*, № 1, 2006.

⁹ V. Poutine, «Vive le dialogue Europe-Russie!» [Да здравствует диалог Европа-Россия!], *Le Figaro*, 27/03/2007.

¹⁰ Встреча с одним из членов администрации президента РФ, июль 2007.

воспользоваться новой динамикой в России. В Париже подготовка к председательству 2008 года уже началась и должна будет в ближайшие месяцы затронуть государственный аппарат, политические, экономические и экспертные круги. В методологическом плане, опыт немецкого председательства показал, что несмотря на серьёзную вовлечённость и тщательную подготовку, политическая воля к преобразованию партнёрства Россия-ЕС может оказаться заблокирована двусторонними разногласиями. Учитывая этот опыт, французское председительство должно выдвинуть более скромные, но достижимые цели, отводя особое внимание активному привлечению новых членов.

Энергетика: диалог или монологи?

После прекращения поставок газа на Украину в январе 2006 г. и его последствий для европейского рынка, отношения Россия-ЕС сконцентрировались на энергетической теме, что таит в себе риск усиления двойной асимметрии их товарообмена. На Евросоюз приходится более 57% внешней торговли России, в то время как российский рынок составляет менее 6% общего экспорта ЕС. Российский экспорт в основном состоит из энергоносителей, в то время как экспорт Евросоюза включает в основном промышленные изделия. Эта последняя асимметрия вызывает наибольшее беспокойство, поскольку свидетельствует о тенденции сведения России к роли энергетического (нефть и газ) поставщика Европы, что непосредственно затрагивает её политико-экономическую организацию. Евросоюз получает из России 50% необходимого ему природного газа и 20% нефти, что составляет 78% всей экспортируемой Россией нефти и 90% всего экспортируемого ею газа. Другими словами, 75% экспортных доходов России напрямую зависят от одного только европейского рынка энергии. Задачей Еврокомиссии является интегрирование энергетического измерения в новое СПС, не довольствуясь начатым в октябре 2000 года «энергетическим диалогом» – пустоцветом, которому так и не удалось смягчить разногласия между сторонами.

Трудности в проведении диалога объясняются противоречивыми определениями «энергетической безопасности», слишком различающимися ситуациями энергозависимости между странами-членами ЕС, а также возрастающей неопределённостью в поведении России, в частности, на газовом рынке. Для Евросоюза, «энергетическая безопасность» означает доступ к достаточным ресурсам по разумным ценам и определяется в терминах взаимозависимости с Россией. Для России, «энергетическая безопасность» означает доступ к платёжеспособным рынкам путём ограничения их регламентирующих требований и требования гарантий долгосрочных инвестиций со стороны стран-потребительниц. В

газовой сфере, Россия предполагает удерживать монополию Газпрома, несмотря на европейскую угрозу включить «статью о взаимности» в условия доступа к рынку. Последний элемент, который помогает объяснить сегодняшнюю неопределённость – это функционирование Газпрома (близость к Кремлю, а также внутренняя борьба группировок) и объём его резервов, заставляющих задуматься над вопросом о том, в какой мере российский газовый гигант сможет обеспечить объёмы поставок по взятым на себя обязательствам без массивного использования центральноазиатского газа¹¹.

Париж уделяет большое внимание эволюции российских энергетических групп, интересующих его под двойным углом зрения. Прежде всего, речь идёт о необходимости заключить не просто торговые соглашения, но создать настоящее промышленное партнёрство. Группы, контролирующие обширные запасы нефти и газа, являются абсолютно необходимыми в контексте повышенного спроса. С этой точки зрения, соглашение, подписанное Тоталь с Газпромом по Штокману, демонстрирует способность энергетического лоббизма Парижа после заявления России об отстранении иностранных операторов (сентябрь 2006). Сегодня принято считать, что реформа российского энергетического сектора завершилась укреплением национальных государственных компаний по модели, сравнимой с моделью других крупных производителей (Саудовская Аравия, Алжир, Венесуэла, Иран). Необходимо принять во внимание это новое соотношение сил. Одновременно с этим французские власти пристально следят за проектами инвестирования российских групп в Европе и, в частности, за действиями Газпрома по получению прямого доступа к европейским потребителям. Французские власти, естественно, придают самое большое значение эволюции французских энергетических групп, что проявляется, к примеру, в завершении слияния Суэз и Газ де Франс. Для Парижа, энергетика является и должна оставаться стратегическим сектором, над которым государственная власть призвана сохранять контроль. Европейская энергетическая политика станет одним из приоритетов французского председательства в Евросоюзе.

Конфликт интересов и ценностей

В попытках объяснить поведение Евросоюза и России часто подчёркивается глубинное различие их природы. «Российская специфика» и «суверенная демократия» составляют идеологический цемент Кремля. Первая указывает на то, что Россия, якобы, имеет исторически сложившиеся организацию власти и ритм развития, две

¹¹ Дискуссию на эту тему см. в К.-А. Пайар, «Газпром: на пути к энергетическому суициду», *Russie.Nei.Visions*, №17, март 2007; Ж. Гийе, «Газпром – надёжный партнёр. Иное видение российско-украинского и российско-белорусского энергетических кризисов», *Russie.Nei.Visions*, № 18, март 2007.

данности, с которыми российские руководители вынуждены считаться. Вторая выражает отказ от любой формы внешнего влияния на своей территории и имитации какой-либо иной модели развития. Если копнуть глубже, то можно увидеть, что Россия стремится доказать, что защищаемая Западом модель отношений между государством и обществом является не такой уж универсальной, как полагает сам Запад. Кремль видит свою задачу в том, чтобы заставить европейцев отказаться от идеи, что «европейская цивилизация лучше, чем российская»¹².

Потерпев поражение в попытке уточнить свой проект, свои границы и природу своего международного влияния, Евросоюз сделал еще менее понятным свой образ и так и не смог утвердиться в качестве полноценного актора безопасности, в отличие от НАТО. Это дублирование ролей остаётся для Москвы принципиально важным¹³. Поведение Москвы, производящее впечатление твёрдости, уверенности, даже дерзости, должно рассматриваться в контексте царящих в Европе возбуждённости и непостоянства. Евросоюз пытается перенести геополитическое соотношение сил на регламентную почву. Этот подход мог существовать, пока Россия находилась в положении получателя помощи. В сегодняшней же ситуации, инструменты ЕС – главным образом, техническое содействие и публичная дипломатия – не соответствуют сопровождающемуся эйфорией экономическому подъёму России и взятой ею на себя роли мировой державы. Украинский кризис послужил переломным пунктом. С европейской стороны, он был воспринят главным образом как попытка российского вмешательства во внутренние дела Украины, в то время как со стороны России этот кризис был понят как попытка Запада противодействовать влиянию Москвы на постсоветском пространстве. Такое понимание усилило идею о том, что настоящим геополитическим актором на континенте остаётся НАТО – главный вектор американского влияния, а не Европейский Союз.

Будучи неспособным выковать собственную политическую идентичность, Евросоюз строит свои внешние отношения на Европейской политике соседства (ЕПС)¹⁴. Россия же, желая подчеркнуть своё стремление к отношениям «на равных», всегда отвергала эти рамки. Трудность для ЕС заключается в необходимости совмещать «стратегическое партнёрство» с Россией, действия НАТО, ОБСЕ, Совета Европы и, *last but not least*, двусторонние отношения, поддерживаемые европейскими столицами с Москвой.

¹² Интервью с одним из членов российского парламента (от партии Единая Россия), Москва, декабрь 2006.

¹³ R. Allison, «Russian security engagement with the European Union» [Российские отношения по безопасности с Европейским Союзом] и «Russian security engagement with NATO» [Российские отношения по безопасности с НАТО], in R. Allison, M. Light and S. White, *Putin's Russia and the Enlarged Europe* [Россия Путина и расширившаяся Европа], London, RIIA/Blackwell, 2006, с. 72-93 и 94-129.

¹⁴ Т. Гомар, «Евросоюз и Россия: в поисках равновесия между геополитикой и регионализмом», *Russie.Nei.Visions*, №10(b), май 2006.

Позиция Николя Саркози по этим вопросам направлена на изменение. По его мнению, многополярность не является самоцелью, а, скорее, обозначает начало нового типа взаимодействия между крупными державами, способного привести «к столкновениям между силовыми подходами в политике»¹⁵. Поведение России несомненно подтверждает этот анализ. На сегодняшний день французские власти не стремятся ответить на вопрос, адаптирована ли ЕПС к возвращению логики силы. Они больше ориентированы на подготовку дискуссии о крупных геополитических ориентациях ЕПС. Возможно, станет необходимым принятие ряда решений о выборе между южными и восточными странами, которым адресована эта политика, с целью избежать опасного размывания внешней деятельности ЕС. Проект Средиземноморского союза может восприниматься в этом контексте как форма предпочтения первой группы в ущерб последней.

¹⁵ Выступление перед послами, 27 августа 2007.

Основные характеристики позиции ЕС

Вес двусторонних отношений

Отношения Россия-ЕС нельзя понять без постоянного отслеживания двусторонних отношений, задавая себе подспудный вопрос: укрепляют ли эти отношения (как это следует из официальных заявлений столиц основных государств ЕС) или, наоборот, ослабляют (как отмечают внешние наблюдатели) диалог Россия-ЕС? В период 2003-2007 гг., отношение к вопросам расширения, войны в Ираке, «оранжевой революции» и энергетических кризисов вызвало явный раскол между государствами-членами ЕС. По одну сторону оказались сторонники линии резкой критики по отношению к Москве во главе с Польшей и прибалтийскими государствами, требующие более жёстких заявлений и действий Евросоюза. По другую – сторонники выстраивания близких отношений взаимозависимости с Москвой, среди которых, прежде всего, Берлин, Париж и, в зависимости от темы, Лондон или Рим, желающие, чтобы Россия согласилась на долгосрочные компромиссы. Помимо своей ключевой роли энергетического партнёра, Москва выступает необходимым участником в вопросах, выходящих за рамки отношений Россия-ЕС (Иран, Косово и палестино-израильский конфликт).

Важно понять, будет ли этот раскол актуален и в будущем или всё же Евросоюз, под воздействием новых глав государств, *a priori* менее расположенных придавать большое значение своим «личным отношениям» с российским президентом, сможет вновь найти единство по российскому вопросу. Другими словами, Гордон Браун, Николя Саркози, Ангела Меркель и Романо Проди, пришедшие на смену Тони Блэйеру, Жаку Шираку, Герхарду Шрёдеру и Сильвио Берлускони, должны в тесном контакте со своими партнёрами пересмотреть форму будущих политических отношений с преемником Путина. Кадровая неопределённость в российской политике за шесть месяцев до президентских выборов в России является лучшим примером расхождения между российской и европейской политическими системами.

Впрочем, некое равновесие между столицами и полем их деятельности, видимо, сохранится. Рискуя вызвать упрёки в излишней

схематизации, их можно обозначить следующим образом. Берлин остаётся и останется приоритетным партнёром Москвы в Евросоюзе. Их отношения, поддерживаемые государственными аппаратами, имеют глубокие общественные корни и подпитываются энергетическим сотрудничеством. Умело обращающаяся со СМИ Ангела Меркель изменила стиль российско-германских отношений, не изменив при этом их субстанции (к примеру, не были поставлены под сомнение такие крупные проекты как Северо-европейский газопровод)¹⁶.

Российско-британские отношения с 2003 года постепенно ухудшаются, что объясняется накоплением раздражающих второстепенных факторов: предоставление политического убежища таким личностям как Борис Березовский, реакция на дело Юкоса и события, связанные с деятельностью разведслужб в обеих странах¹⁷. Однако, символизирующие ухудшение отношений дело Литвиненко и выдворение российских дипломатов из Лондона (июль 2007) не должны затмевать растущий финансовый вес российского сообщества в Великобритании. По сути, развитие британско-российских отношений подчиняется двум факторам: партнёрство Россия-НАТО и энергетическая ситуация в Великобритании. В начале первого мандата Владимира Путина, сближение между НАТО и Россией (приведшее к созданию Совета Россия-НАТО в 2002 году) активно поддерживалось Тони Блэйером. Возобновление напряжения между НАТО и Россией, вызванное проектами расширения, установления американских противоракетных систем в Польше и Чешской республике, а также инцидентами в балтийских странах, отразилось и на двусторонних отношениях. Что касается энергетики, то нужно осознавать тот факт, что Великобритания превратилась в импортёра газа. Такие компании как БП и Шелл осуществили крупные инвестиции в России, а такие инвестиции всегда остаются в некоторой степени зависимыми от политических решений.

Несомненно, победа PiS (партия «Право и справедливость») на парламентских выборах сентября 2005 года, а затем избрание Леха Качиньского на пост президента страны, усилили напряжение в российско-польских отношениях. В Евросоюзе Польша является страной, наиболее критически настроенной по отношению к России. Эта критика отражает обеспокоенность внутренней ситуацией в России и изобличает новый российский империализм, основанный на энергетике. PiS выступает за усиление роли государства в политической, экономической и социальной жизни страны, одновременно ратуя за внешнюю политику, основанную на систематической защите «польских национальных интересов», что

¹⁶ A. Rahr, «Russie-Allemagne: la relation spéciale et la présidence de l'Union européenne» [Россия-Германия: особые отношения и председательство в Европейском союзе], *Politique étrangère*, № 1, 2007.

¹⁷ A. Monaghan (ред.), *The UK & Russia – A Troubled Relationship* [Великобритания и Россия – напряжённые отношения], Swindon, Defence Academy of the UK, CSRC, Russian Series, 07/17, май 2007.

ведёт к усилению национализма, к которому примешивается подозрительность. Эта линия поведения плохо уживается с позицией Евросоюза и вызывает недоверие в отношениях с Германией. Близость между Россией и Германией и историческая неоднозначность российско-польских отношений способствуют тому, что Москва используется во внешней политике Варшавы в качестве устрашающего элемента, которому приписывается стремление к «развалу ЕС»¹⁸. Другие страны, наоборот, стремятся укрепить свои отношения с Москвой, особенно, в энергетической сфере. К ним, помимо Италии (ЭНИ и Газпром подписали долгосрочное соглашение в ноябре 2006 года), можно отнести Венгрию, Грецию и Болгарию.

Подход Парижа заключается в попытке вырваться за рамки билатерализма и в отказе от набивших оскомину речей о «привилегированных отношениях» с Россией, которые только усиливают дискомфорт позиции Франции в Евросоюзе после мая 2005 года, не приводя взамен к ощутимым уступкам со стороны Москвы. Президент и МИД постепенно идут к отказу от словесной конфронтации по типу той, которой предаются Москва и Вашингтон, избегая при этом позиции «потворства» – термин, часто применяемый для характеристики российской политики Жака Ширака. Заявленная цель заключается в том, чтобы добиться лучшей координации между франко-российскими отношениями и диалогом Россия-ЕС, не впадая при этом в систематическое поношение России.

«Новая Европа» и «Старая Европа»

Последствия войны в Ираке продолжают сказываться и на отношениях Россия-ЕС. Москва использует возникший раскол, чтобы усилить расхождения между государствами-членами и попытаться восстановить своё влияние в Центральной Европе через энергетику¹⁹. К этому наследию добавляются психологические последствия французского и нидерландского «нет» проекту европейской конституции. Для Москвы эти результаты служат наиболее наглядным свидетельством потери привлекательности Евросоюза и слабости европейского проекта.

Заявления и решения Москвы создают неопределённость относительно её истинных намерений; они вызывают совершенно разные реакции в Берлине, Париже, Лондоне, Варшаве, Риме, Хельсинки и Будапеште. Эта палитра реакций прекрасно известна Кремлю и искусно используется им, поскольку соответствует намерению пересмотреть отношения с Западом в целом и с Евросоюзом в частности.

¹⁸ Интервью с одним из польских дипломатов, Москва, декабрь 2006.

¹⁹ К. Smith, «Russian Energy Pressure Fails to Unite Europe» [Российское энергетическое давление срывает объединение Европы], Washington, CSIS, Euro-Focus, январь 2007.

В этом контексте российско-польские отношения принимают особое значение. Их ухудшение не объясняется одним лишь вето. Москва понимает, что перегибы Варшавы, сущность нынешнего режима и степень близости к США ставят Польшу в маргинальное положение в Евросоюзе²⁰. Варшава стремится перенести отношения с Москвой на почву ценностей, в то самое время как её правительство принимает решения, вызывающие сильное беспокойство у европейских партнёров. Москва оборачивает в свою пользу эти противоречия, пытаясь обвинить Польшу в антироссийской позиции и желании вернуть времена холодной войны. Очевидно, что будущие оживлённые дискуссии о системе противоракетной обороны вызовут новое напряжение.

По этому вопросу Николя Саркози явно обозначил стремление к разрыву с прошлой политической линией. Он ставит перед собой задачу восстановления трансатлантического партнёрства, окончательно перевернув страницу оппозиции войне в Ираке и прекратив использовать антиамериканизм в качестве невидимой опоры французской внешней политики. Именно в таком контексте следует рассматривать визит министра иностранных дел Бернара Кушнера в Багдад и приём Николя Саркози в семье Буша (август 2007). В знак своего расположения, президент решил «укрепить» усилия, предпринимаемые Францией в Афганистане и добиться лучшей интеграции французских войск в НАТО. Главным неизвестным этой тенденции остаётся позиция, которую в ближайшие месяцы займёт Париж по отношению к военным структурам альянса. Именно этот вопрос занимает сегодня российских экспертов и дипломатов.

Трансатлантический фон

В стратегической сфере Россия продолжает ориентироваться на США, поскольку ядерное равновесие подкрепляет её статус глобальной державы по отношению к европейским странам. Уже не остаётся сомнений в том, что российская дипломатия будет ужесточать свою позицию по мере того, как проекты развёртывания американских баз в Польше и Чехии начнут конкретизироваться. В апреле 2007 года Владимир Путин, обвинив американцев в одностороннем подходе, объявил мораторий на исполнение Россией ДОВСЕ, служившего краеугольным камнем европейской безопасности со времён распада СССР. К этому добавляется угроза наложить вето по косовскому вопросу, которое можно понять как стремление Кремля выйти из позиции пассивного наблюдателя и снова стать центральным звеном

²⁰ A. Makarychev, «Neighbours, Exceptions and the Political: A Vocabulary of EU-Russian Inter-Subjective (Dis)Connections» [Соседи, исключения и политика: словарь евро-российского интересубъективного (рас)соединения], in Michael Emerson (ред.), *The Elephant and the Bear Try Again* [Слон и медведь делают еще одну попытку], Brussels, CEPS, 2006, с. 23-24.

европейской безопасности с учётом недееспособности Евросоюза в этой сфере²¹.

Российско-американские отношения являются фоном, необходимым для понимания отношений Россия-ЕС²². После украинского кризиса, Вашингтон начал постепенно ужесточать свою политику на московском направлении, что отразилось, например, в речи Дика Чейни в Вильнюсе (май 2006), которая была воспринята Москвой как осознанная провокация, а также в речи Джорджа Буша в Праге (июнь 2007). Российская дипломатия отвечает с тех пор ударом на удар, используя в своих целях антиамериканизм, вызванный поведением администрации Буша. Реакция на американскую политику является ключом к пониманию поведения России и прослеживается во многих выступлениях, например, в речи, произнесённой Владимиром Путиным в Мюнхене (февраль 2007). На постсоветском пространстве, Москва констатирует серьёзные проблемы в движении Украины в сторону евро-атлантических структур, вызванные возвращением Виктора Януковича и затяжным политическим кризисом. По отношению к авторитарным режимам, например в Узбекистане, Москва предоставляет гарантии безопасности, предпочитая, в отличие от Вашингтона и Брюсселя, не упоминать о «продвижении демократии» или соблюдении «прав человека». Кроме того, Москва предоставляет значительные политические и дипломатические ресурсы многосторонним организациям, стремящимся создать противовес евро-атлантическим структурам на евро-азиатском пространстве (Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности)²³.

Тем не менее, возвращение влияния не может подменить собой настоящую европейскую политику России, которая позволила бы ей уйти от логики постоянного приспособления к европейским решениям. При сохранении нынешней организации власти, основанной на чрезмерном представительстве силовиков на самой верхушке государства, рычаги могущества России рискуют свестись к энергетическим поставкам и способности «наносить ущерб» безопасности. Эти способы воздействия нельзя сбрасывать со счетов, но они не могут служить инструментами ответа на стоящие перед Россией вызовы.

Эти вызовы касаются выбора модели развития. И по этому поводу в США намечается дискуссия, которая может изменить интерпретацию ситуации в России, поставив акцент на сравнении с китайской моделью. Например, в своей речи в Праге, Джордж Буш напрямую связал Москву и Пекин, указав, что Вашингтон собирается

²¹ О. Антоненко, «Независимость Косово. Почему Россия против?», *Russie.Nei.Visions*, № 21, июль 2007.

²² M. McFaul, «Russia and the West: A Dangerous Drift» [Россия и Запад: опасный дрейф], *Current History*, октябрь 2005.

²³ О. Antonenko, «The EU should not ignore the Shanghai Co-operation Organisation» [ЕС не должен игнорировать Шанхайскую организацию сотрудничества], London, CER, май 2007.

продолжать оказывать на них давление с требованием демократизации. Эта политическая классификация означает эволюцию в сторону продвижения демократии в качестве ответа на возвращение логики силы, изобличаемой администрацией Буша. Оставив в стороне тему угрозы исламизма, намечающаяся дискуссия возвращается к историческому противостоянию между либерализмом и авторитаризмом, противостоянием, которое, возможно, предвещает новую напряжённость между демократическими и авторитарными странами, среди которых на первом месте фигурируют Китай и Россия²⁴. Эти две страны не скрывают скептицизма по поводу западной либеральной модели развития; они считают, что их собственное развитие осуществилось в разрыве с западными экономическими догмами, но с соблюдением принципов глобализации²⁵. Через трансатлантические каналы, эта дискуссия коснётся Франции и может изменить её отношение к России, поскольку послужит интерпретации развития последней не в западных, а в евразийских терминах. Николя Саркози, как было сказано выше, соглашается с подобным анализом возвращения логики силы на международную сцену. Однако, ничто не указывает на то, что французский дипломатический аппарат разделяет подобное понимание возрастания мощи России и Китая и, особенно, его последствий для лидирующей позиции Запада.

²⁴ R. Kagan, «The World Divides...and Democracy is at Bay» [Разделение мира... и демократия в тупике], *The Sunday Times*, 02/09/2007. Развитие темы см. в R. Kagan, «End of Dreams, Return of History» [Конец мечтам, повторение истории], *Policy Review*, август-сентябрь 2007.

²⁵ P. Ferdinand, «Russia and China: converging responses to globalization» [Россия и Китай: сходные реакции на глобализацию], *International Affairs*, № 4, 2007.

Основные характеристики позиций России

Недостаточная привлекательность России

Поскольку европейский рынок является ключевым для её экономического роста, Россия не желает ненужных осложнений в отношениях с Евросоюзом. В то же время, она не включена ни в какой официальный процесс даже постепенной интеграции с ЕС; она отстаивает принцип взаимоотношений, не основанных на какой бы то ни было системе общих обязательств и ценностей. Одна из основных характеристик российской внешней политики заключается именно в этой неспособности разработать, предложить и реализовать позитивный проект интеграции, основанный на системе совместного принятия решений, кем бы ни был её партнёр. Так, эта неспособность разрушает все попытки политической интеграции и внутри СНГ.

Концепция «суверенной демократии» влияет на внешнюю политику и оказывает давление на построение диалога с Евросоюзом. Россия систематически занимает оборонительную позицию, воспринимая европейские правила и нормы как посягательство на свой суверенитет. В то же время, её политическое стремление интегрироваться в глобальную мировую экономику путём присоединения к ВТО подразумевает принятие системы правил²⁶. Задачей Москвы должна стать адаптация к ним с одновременным использованием своего возрастающего политического влияния именно для того, чтобы найти способ участия в разработке общих правил. Так же и финансовые ресурсы страны должны быть в большей степени направлены на решение основных вызовов для страны (технологическая интеграция, образование, демографический спад, организация иммиграции/эмиграции и санитарный кризис).

Евразийские склонности Владимира Путина не остались незамеченными в Париже. Он посвятил (и не без успеха) часть своих усилий продвижению имиджа России как модернизированной и открытой страны, включенной в процессы глобализации. Можно отметить относительно недавнее развитие позиции Путина: чтобы представить Россию как державу завтрашнего дня, он стал регулярно

²⁶ Ж. Веркёй, «Россия и ВТО: на финишной прямой», *Russie.Nei.Visions*, № 16, февраль 2007.

ссылаться на группу стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Суммарный ВВП БРИК с некоторых пор превысил ВВП Евросоюза и экономический потенциал этих новых центров мирового роста должен, по мнению Путина, рано или поздно привести к росту их «политического влияния»²⁷. В этом плане интересно отметить, что Николя Саркози в недавнем обращении к послам не упомянул Россию в числе «нарождающихся гигантов» и «движущих сил мирового развития», назвав в этой группе лишь Китай, Индию и Бразилию. Это упущение явно отражает отказ некоторых французских кругов рассматривать Россию в качестве экономической державы завтрашнего дня, объясняющийся удельным весом энергетической ренты в её доходах. Однако, во Франции существуют другие группы, не прекращающие попыток привлечь внимание властей к инвестиционным возможностям России, занимающей третье место (после Китая и Японии) по валютным резервам и предполагающей создать собственные государственные инвестиционные (или суверенные) фонды, предназначенные специально для проведения «биржевых налётов» на европейский, азиатский и североамериканский рынки.

Неопределённость внутренней ситуации

Владимир Путин сделал Евросоюз своей главной целью в 2000 году, поэтому неопределённость, связанная со сменой президента России, оказывает влияние на диалог Россия-ЕС. Даже если отношения между Россией и Европой не будут решающим фактором влияния на предстоящих выборах в России (парламентские в декабре 2007 и президентские в марте 2008), они остаются основополагающими для Кремля. Однако, сегодня ничто не свидетельствует о том, что преемник Путина будет придавать такое же важное значение этому партнёрству.

Если копнуть глубже, европейцы обеспокоены возрастанием авторитаризма в России и его возможным отражением во внешней политике. Рост авторитаризма несомненно вызовет возрождение национализма, эффекты которого начинают ощущаться по отношению к прибалтийским странам. Весьма вероятно, что Москва, располагающая сейчас новыми возможностями, будет и впредь уделять самое пристальное внимание русским меньшинствам в этих странах. Одновременно с этим, будущий российский президент будет продолжать добиваться одной из целей, заявленных Владимиром Путиным: предоставить россиянам безвизовый режим в ЕС. Вопрос о визах символичен для России, поскольку затрагивает престиж и имидж

²⁷ Анализ этой тенденции см. в Th. Gomart, «Espace-temps perdu, espace-temps retrouvé» [Потерянное и найденное пространство-время], *Politique étrangère*, внесерийный выпуск «La Russie. Enjeux internationaux et intérieurs» [Россия. Международное и внутреннее положение], сентябрь 2007, с. 7-22.

влиятельной державы, который она создаёт себе в Европе. Вместе с условиями доступа к рынку, этот вопрос является главным козырем Евросоюза. Прогресс по этому вопросу был достигнут обеими сторонами в ходе саммита в Самаре с подписанием соглашения о реадмиссии.

Париж разделяет со своими европейскими партнёрами и, особенно, с Берлином и Лондоном, интерпретацию внутренней эволюции в России. Сокращение политических свобод и ужесточение внешней политики не мешает считать диалог с Москвой необходимым. Тяжелый, но неизбежный партнёр, Россия остаётся труднодостижимой страной: за полгода до выборов всё ещё невозможно с уверенностью назвать имя преемника Путина. Что касается самого Путина, стоит отметить, что уровень коррупции в его непосредственном окружении заставил французские политико-дипломатические круги отказаться от долгое время доминировавшего восприятия его как российского «де Голля»²⁸.

Доминирование темы безопасности

В проведении своей европейской политики, и об этом часто забывают, Москва продолжает отводить главное значение вопросам безопасности и строить свои отношения с соседями в терминах территориальной целостности и равновесия сил. Другими словами, Москва продолжает следовать классической логике силы, в то время как Евросоюз пытается создать новую модель международного актора. Эта логика приводит к тому, что Москва никогда не пренебрегает военными факторами. Рост военных расходов объясняется не только стремлением наверстать упущенное за ельцинские годы, но и желанием создать новое военное оснащение, обеспечивающее как глобальное присутствие (через милитаризацию космоса), так и региональные проекции. Логично предположить, что контуры этой новой военной структуры должны соответствовать новому анализу угроз.

Существование внутренних и внешних угроз необходимо Кремлю для оправдания такой организации власти, в которой важное место занимают силовые структуры и развитый военный аппарат. Этот преувеличенный акцент на защите суверенности приводит к политике независимости, без ложного стыда защищающей свои национальные интересы всегда и везде. В Европе никак не могут понять, что «замороженные конфликты», такие как косовский, вписываются в эту логику защиты национальных интересов и стремления окончательно покончить со временами Ельцина, когда Россия потеряла влияние на

²⁸ Th. Gomart, «La politique russe de la France: fin de cycle ?» [Российская политика Франции: завершение цикла?], *Politique étrangère*, № 1, 2007, с. 125-127.

постсоветском пространстве, в частности, его европейской части. К этому добавляется стремление насладиться своего рода реваншем над Западом, который был слишком уверен в своей силе и своей правоте в годы переходного периода. Ничто не предвещает изменения этой тенденции преемником Путина, поскольку политические силы, выступающие даже за постепенную интеграцию с Западом, на сегодняшний день имеют очень слабое влияние.

В ближайшие месяцы Николя Саркози должен будет высказаться по двум стратегическим темам: американский проект ПРО в Польше и Чехии и расширение НАТО. По всей видимости, часть приводимой Россией аргументации по первому вопросу принимается как Парижем, так и Берлином: это развёртывание, даже если оно осуществляется на двустороннем уровне, не соответствует обязательствам, взятым на себя Вашингтоном и НАТО перед Москвой в 90-х годах²⁹. Однако, Париж не принимает аргумента, в соответствии с которым американский щит предназначен для ограничения баллистических возможностей России. Что касается расширения НАТО, сдержанность Франции по этому вопросу известна и объясняется необходимостью «переварить» предыдущее расширение. Кроме того, в Париже существует набирающая вес тенденция к отдельному рассмотрению украинского и грузинского досье. В первом случае политическая эволюция страны остаётся неопределённой и вступление в НАТО, по всей видимости, не поддерживается общественным мнением. Во втором случае, Париж полагает, что присоединение к НАТО не только не приведёт к автоматическому прекращению сепаратистских устремлений Абхазии и Осетии, а наоборот, может их усилить.

²⁹ Интервью с одним из немецких участников этих переговоров, Берлин, июнь 2007.

Вместо заключения

Представленная в общих чертах, позиция Франции по девяти основным пунктам диалога Россия-ЕС, понимаемого в широком смысле, а не только как контакты между Еврокомиссией и Кремлём, должна быть уточнена и пополниться нюансами. Накануне первой поездки Николя Саркози в Россию в середине октября 2007 года, можно наметить различные темы для размышлений, которые предваряли бы действия:

1. Привязать российскую политику Франции к политике европейских партнёров, стремясь систематически соотносить франко-российские отношения с диалогом Россия-ЕС.
2. Не допустить превращения отношений Россия-ЕС в периферийные по отношению к трансатлантическим. Вашингтон остаётся стратегическим маяком Москвы, что приводит Россию к восприятию диалога Россия-ЕС как своего рода «филиала» отношений с Западом. Необходимо напомнить, что по причине их интенсификации и объёма, российско-европейские отношения призваны быть основанием треугольника Россия-ЕС-США.
3. Направить интеллектуальную энергию на обдумывание форм внешней деятельности Евросоюза на российском направлении, отказавшись от логики программ содействия. Способствовать перекрёстному финансированию проектов.
4. Отказаться от сведения диалога Россия-ЕС к энергетическим вопросам. Рассматривать последние в более широких политических рамках, позволяющих обсуждать способы политико-экономического развития обеих сторон, а также возможности их перекрёстного инвестирования.
5. Подготовить единую европейскую позицию для ответа на лоббирование США транскаспийского газопровода и возможные реакции со стороны России.
6. Предусмотреть возможные сценарии единой реакции Евросоюза на выборный процесс в России, который может сопровождаться значительными манипуляциями. Совместно организовать первые контакты с новым российским президентом.
7. Научиться думать о России как о стране, выходящей за пределы Урала, то есть осуществить детальный анализ влияния Москвы и

её стержневой позиции на евразийском пространстве. Увязать этот анализ со стратегией Евросоюза в Центральной Азии.